

VII. Пророкъ.

Разматривая богатое духовное содержаніе платоновой жизни и связь его съ греческимъ міромъ, въ которомъ оно родилось, мы всюду находимъ своеобразное двойственное отношеніе между тѣмъ и другимъ. Всѣ элементы мысли Платона взяты изъ греческой дѣйствительности и сохраняютъ даже въ умѣ философа признаки своего происхожденія; но новый продуктъ, который они, переплетаясь, образуютъ въ немъ, носитъ именно въ своей наиболѣе зрѣлой и тонкой формѣ чуждый, не-греческій характеръ. Вросшее всѣми своими корнями въ національную жизнь, новое растеніе разрываетъ родную почву и пробивается въ новый міръ.

Такова судьба уже чисто-научнаго творенія Платона—ученія о двухъ мірахъ. Этическая и гносеологическая противоположность между Сократомъ и софистами, метафизическая между Гераклитомъ и элейцами и натурфилософская между Анаксагоромъ и Демокритомъ,—вотъ элементы, изъ которыхъ его диалектика создаетъ свое метафизическое міросозерцаніе. А между тѣмъ изъ этихъ элементовъ возникаетъ ученіе о сверхъ-чувственномъ мірѣ, о болѣе высокой дѣйствительности, вѣра въ истину, которой не видѣлъ ни одинъ глазъ, которой не слышало ни одно ухо¹⁾.

Но этотъ продуктъ отвлеченной мысли способенъ

¹⁾ Есть много признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ,

тотчасъ же слить съ собой смутныя чувства и стремленія народной души; мистическая черта діонисіева культа, пареніе одержимыхъ божествомъ душъ сплетается съ мыслью о высшемъ мірѣ и снова придаетъ послѣднему характеръ царства духовъ, боговъ и демоновъ. Но именно такимъ образомъ это царство одухотворяется въ болѣе благородномъ смыслѣ и получаетъ этическое содержаніе. Ханжество секты, ея священнодѣйствія и культъ колдовства Платонъ превращаетъ въ нравственное служеніе божеству. Онъ возвышаетъ вѣру въ безсмертіе—и это также удивляло и поражало грековъ—до степени мотива нравственной жизни; онъ вполне серьезно относится къ мысли о сверхъ-чувственной сущности и небесномъ назначеніи человѣческой души, и требуетъ, чтобы она сообразно съ этимъ устраивала свою земную жизнь. Сколько бы ни было робкихъ намековъ на этотъ принципъ и раньше, — у Платона онъ впервые является въ формѣ законченнаго ученія и могучей проповѣди, въ формѣ мрачнаго напоминанія, раздавашагося среди земной суетою греческаго міра.

И это напоминаніе обращено не только къ отдѣльному человѣку, котораго оно призываетъ подумать о благѣ своей души, но и ко всему народу. И здѣсь также Платонъ является выразителемъ того, что скрыто въ глубокихъ тайникахъ народнаго сознанія; въ немъ говоритъ боль и скорбь побѣжденнаго, полуразрушеннаго государства, онъ хотѣлъ бы заживить раны, нанесенныя войной, успокоить страсти, остановить распадъ общественной жизни. Все, что еще есть пригоднаго въ старыхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, онъ хотѣлъ бы поддержать и укрѣпить. Но новаго жизненнаго

какимъ парадоксальнымъ казалось грекамъ ученіе объ идеяхъ; наиболѣе характеренъ анекдотъ, въ которомъ Діогену приписывается слѣдующее изреченіе: „столь я вижу, но стольность — нѣтъ“, на что Платонъ будто бы отвѣтилъ: „для этого-то у тебя и нѣтъ надлежащаго ока—разума“.

единства, въ которомъ нуждается его народъ для того, чтобы собраться съ силами и воспротивиться разложенію, онъ не можетъ найти въ области государственной и общественной жизни; онъ долженъ искать это единство въ религиозномъ убѣжденіи, и вотъ онъ предлагаетъ греческому государству превратиться въ воспитательное учрежденіе для подготовки къ вѣчной жизни. И въ его социальной реформѣ, среди мыслей, понятныхъ греческому духу, внезапно прорывается новый, потрясающій основы міра принципъ.

Такимъ образомъ, Платонъ надъ гнилою и разлагающеюся греческою дѣйствительностью поднимаетъ знамя сверхъ-чувственнаго. Въ одномъ только служеніи высшему міру заключается для него благо земного существованія. И такимъ образомъ, онъ является своему народу, какъ пророкъ, желающій отъ нужды и раздоровъ пробудить его къ новой, лучшей жизни. Исполненный и одушевленный сознаниемъ новой истины, которую онъ призванъ провозгласить какъ откровеніе, онъ, пылая гнѣвомъ, возстаетъ противъ пороковъ своего времени и старается привлечь сердца своего народа на сторону новаго ученія.

Но нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Соціальная реформа Платона осталась, да и должна была остаться совершенно безрезультатной: она вливала новое вино въ старые мѣхи. Греческій городъ-государство, который въ Афинахъ дожилъ до полнаго расцвѣта своихъ лучшихъ сторонъ и пережилъ этотъ расцвѣтъ, не могъ воспринять въ себя то новое содержаніе, которое хотѣлъ дать ему Платонъ. И потому непосредственное вліяніе платоновой попытки въ греческой исторіи совершенно незамѣтно. Точно такъ же и религиозная жизнь, даже въ близкой ему сектѣ, продолжала идти прежнимъ путемъ традиціоннаго служенія богамъ и колдовства; она не была въ состояніи органически усвоить ни научное, ни этическое содержаніе, которое философъ

хотѣлъ ввести въ нее; нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что та вѣра, которую онъ началъ основывать, въ ближайшее время какимъ либо образомъ углубила и преобразила религиозные обычаи за предѣлами Академіи.

На греческую науку Платонъ, правда, оказалъ глубокое и могущественное вліяніе, но и здѣсь—не въ томъ направленіи, которое было ему наиболѣе дорого. Политическіе и социальныя интересы еще при его жизни все больше отступали въ Академіи на задній планъ, и союзъ получалъ чисто научный характеръ. При этомъ — сообразно общему духу времени — перевѣсъ все больше склонялся на сторону кропотливой учености и эмпирическаго изслѣдованія, остатки же метафизическихъ интересовъ вначалѣ истощались преемниками Платона въ числовыхъ умозрѣніяхъ по образцу пифагорейскихъ, а затѣмъ были направлены, особенно Ксенократомъ, на чисто богословскій путь, такъ что въ концѣ-концовъ они привели къ ученію о богахъ и дэмонахъ. Ученіе же объ идеяхъ, въ его чисто философскомъ смыслѣ, вскорѣ было вытѣснено той новой формой, которую такъ удачно придалъ ему Аристотель. Последній снова отрицаетъ реальную обособленность сущности отъ возникновенія; онъ снова учитъ, что существуетъ только одинъ міръ, въ которомъ сама сущность реальна въ качествѣ возникновенія, и такое соединеніе онъ находитъ въ понятіи энтелехія или развитія. Этимъ изъ міросозерцанія Платона былъ снова устраненъ не-греческій элементъ, и потому именно аристотелевское ученіе сдѣлалось заключительнымъ словомъ метафизики въ греческой философій. Въ этой ослабленной формѣ, лишенной главнымъ образомъ дуализма, должны были теперь продолжать свое дѣло плодотворныя мысли, заключенныя въ ученіи объ идеяхъ.

Наибольшее вліяніе на развитіе греческой науки Платонъ оказалъ тѣмъ великимъ примѣромъ организаціи, который онъ далъ въ Академіи. Последняя

сдѣлалась образцомъ для остальныхъ школъ, которыя создались въ Аѳинахъ еще втеченіе четвертаго столѣтія, — для перипатетической, стоической и эпикурейской. Обширная и методически распределенная дальнѣйшая научная работа, продолжавшаяся затѣмъ, въ александрійскую эпоху, въ умственныхъ центрахъ, образовавшихся на Востокѣ, производилась, въ сущности, по той же системѣ, какой держалась Академія; и если Аристотель придавалъ организаціи своей школы еще болѣе совершенную и продуктивную форму, то источникъ и смыслъ ея все-таки лежатъ въ сокровеннѣйшихъ свойствахъ платонова духа.

Но область, въ которой состязались эти школы, было уже не изслѣдованіе метафизическихъ принциповъ, а частью успѣшная разработка отдѣльныхъ наукъ, частью же, и главнымъ образомъ, установленіе нравственнаго жизненнаго идеала. Въ послѣднемъ отношеніи Академія старалась занять примирительное положеніе, и если при этомъ она, со своей «умѣренностью въ страстяхъ», держалась изложеннаго въ «Филебѣ» ученія о благахъ, то она все-таки не принимала того завершения, которое для этого ученія служила идея добра. Еще болѣе измѣнила школа ученію объ идеяхъ, когда въ ней, втеченіе цѣлаго ряда поколѣній, господствовало скептическое направленіе мысли; и лишь въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. мы видимъ, какъ она возвращается къ первоначальнымъ мыслямъ своего основателя.

Однако, если то, въ чемъ мы признали своеобразную, новую и чуждую для греческаго міра черту Платона, — полетъ его мысли изъ чувственнаго міра въ сверхъ-чувственный, — если эта черта въ общемъ оказала, повидимому, лишь слабое вліяніе на его ближайшую по времени и мѣсту среду, то съ теченіемъ времени роль Платона, какъ пророка, неограниченная уже его народомъ, о которомъ онъ прежде всего думалъ и къ которому прежде

всего обращался, получила всемірно-историческое значеніе, и то, чего онъ желалъ, осуществилось съ поражающей силой и въ невиданныхъ размѣрахъ. До сихъ поръ мы говорили о томъ, что онъ сдѣлалъ и что желалъ сдѣлать для своей школы посредствомъ философскаго ученія, для своей общины — посредствомъ своей теологіи, для своего народа — своими реформаторскими планами; теперь намъ остается только сказать, чѣмъ онъ, благодаря всѣмъ своимъ твореніямъ, былъ и остался для — человѣчества.

Въ общественныхъ идеалахъ «Государства» и «Законовъ» идея государства проведена, въ высшей степени строго, отчасти даже слишкомъ неуклонно. Они обращаются къ самымъ дорогимъ воспоминаніямъ греческой исторіи и тѣмъ не менѣе осуждены заглухнуть безъ вліянія среди всеобщаго разложенія греческаго міра. Эти идеалы проповѣдуютъ не узкій патріотизмъ города-государства, — они со всею силой убѣжденія будятъ также и національное сознаніе греческаго народа; но они поднимаютъ всякій видъ любви къ отечеству на идеальную высоту тѣмъ, что стремятся придать этой любви, исходя изъ ея физическихъ основаній, духовное содержаніе. Ни естественная необходимость, ни общность интересовъ не удовлетворяютъ платоновскому понятію государства; истинно общая жизнь, прочная и цѣнная связь между людьми возможна для него только благодаря ихъ интеллектуальному единству. Общность убѣжденій, совмѣстная работа надъ всѣмъ духовнымъ содержаніемъ жизни, — вотъ въ чемъ заключается истинная связь, создающая изъ множества отдѣльныхъ личностей органическое единство.

Этими словами Платонъ высказываетъ принципъ культурнаго государства. Только грекъ былъ въ состояніи дойти до него; потому что никакой другой народъ не возвысился до того времени физически-совмѣстную жизнь, техническое устрой-

ство для уравнивания интересов до степени духовной общности, къ которой отдѣльный человекъ, свободный и самостоятельный, могъ бы сознательно относиться. Но и греку надо было поднять дѣйствительную жизнь своего народа, посившую слишкомъ ясную печать всего человѣческаго, на высоту идеала, который едва лишь въ ней просвѣчивалъ, чтобы дойти до такой ея формулировки. И если даже онъ при этомъ довольствовался для государства такимъ скуднымъ духовнымъ содержаниемъ, какое мы находимъ въ «Законахъ», — и тогда этотъ взглядъ все-таки свидѣтельствуетъ о пониманіи того факта, что только на подобной общности духовной жизни основано нравственное право принужденія со стороны государства, право подчиненія личности закону. И именно таковъ былъ ходъ исторіи западныхъ народовъ, хотя она нигдѣ не опиралась непосредственно на ученіе Платона; различныя государства, образовавшіяся подъ влияніемъ различныхъ историческихъ условій, стремились достигнуть внутри себя духовнаго единства, ибо оно — основной принципъ национальныхъ государствъ.

Вѣрное средство для достиженія и поддержанія этого духовнаго единства общественной жизни Платонъ видѣлъ въ воспитаніи, которое давалось бы государствомъ. Требованіе, которое онъ, такимъ образомъ, выставлялъ, было совершенно незнакомо греческому обществу, и оно не приняло его точно такъ же, какъ и римское. Такая мысль должна была всегда казаться чуждой народамъ, обладавшимъ самобытной, постепенно развивавшейся культурой. Напротивъ, она естественно возникла у послѣдующихъ народовъ, которые срослись съ унаслѣдованной культурой и въ своей государственной жизни перенимали чужія духовныя традиціи. Поэтому намъ теперь кажется понятнымъ само собою, что воспитаніе должно даваться государствомъ; въ такомъ воспитаніи выражается внутрен-

нее единство народа, сохраняющееся несмотря на смѣну поколѣній; это — духовное самосохраненіе и самообновленіе государственнаго организма; и такое воспитаніе, во всемъ своемъ объемѣ, представляется намъ въ такой же мѣрѣ неотъемлемымъ правомъ, какъ и священной обязанностью культурнаго государства. И потому особенное значеніе получаетъ тотъ фактъ, что Платонъ вполне оцѣнилъ также и этотъ моментъ, и что онъ, вопреки обычаю и мнѣніямъ своего времени и своего народа, включилъ его въ число своихъ требованій.

Съ этимъ требованіемъ Платона — чтобы воспитаніе находилось въ рукахъ государства — самымъ тѣснымъ образомъ связано и другое, именно, чтобы управленіе общиной было предоставлено людямъ научно-образованнымъ. Разумѣется, это требованіе никогда не было исполнено въ томъ буквальномъ смыслѣ, по которому господство должно принадлежать только «философамъ»; исторія смилостивилась надъ человѣческимъ родомъ и избавила его отъ этого. Однако, уже римское государство нуждалось для организаціи своего колоссальнаго управленія въ чиновникахъ, получившихъ научную и техническую подготовку; жизненный строй въ средніе вѣка вызвалъ, особенно въ области правовыхъ отношеній, подобныя же явленія; а въ нынѣшнихъ людяхъ такъ сильно укоренилась сократоплатоновская мысль о необходимости теоретической подготовки и теоретическаго испытанія для того, чтобы человекъ могъ считаться способнымъ занимать государственную должность, что эта мысль выражаетъ одну изъ необходимыхъ сторонъ нашего общественнаго строя. И какъ ни часто происхожденіе и связи, богатство и личное влияніе позволяютъ людямъ претендовать на политическое значеніе, — господство тѣхъ, кто учился, преобладаніе научно образованнаго чиновничества является въ нашемъ социальномъ устройствѣ платоновскимъ моментомъ, который переживетъ и парламентскій

режимъ съ его страстной борьбой интересовъ. Чѣмъ болѣе культурная жизнь людей въ своемъ прогрессивномъ развитіи опирается на плоды интеллектуальной работы, тѣмъ менѣе можетъ она обходиться безъ аристократіи знанія, идеальный прототипъ которой начертанъ Платономъ.

Такъ-же далеко опередилъ Платонъ свое время и тѣмъ, что искалъ спасенія для будущаго въ господствѣ догматической религіи. Потребность въ ней была совершенно чужда греческому духу, такъ какъ сущность религіозной жизни древнихъ народовъ заключалась въ поклоненіи богамъ, причѣмъ въ истолкованіи этого поклоненія фантазіи предоставлялась полная свобода. Поэтому античному государству былъ знакомъ только обязательный культъ боговъ, и дальше никогда не пошло и римское государство. Мысль Платона о единствѣ убѣжденій, безъ котораго не можетъ существовать разумное общество, съ самаго начала заключала въ себѣ тенденцію къ стѣсненію свободы совѣсти. Доктрина считалась основой, на которой зиждется государство, и потому одно изъ первыхъ обязанностей гражданина было признавать эту доктрину и слѣдовать ей. По отношенію къ ней не могло быть мѣста для свободы и независимости отдѣльной личности; послѣдняя была, не только въ своей жизни, но и въ своихъ убѣжденіяхъ, связана этимъ высшимъ внутреннимъ единствомъ государственнаго организма.

Въ этомъ заключалась опасная сторона основной мысли Платона. Въ «Государствѣ» и въ «Законахъ» эта мысль высказывается безъ всякихъ обиняковъ. Кто такъ увѣренъ въ своемъ обладаніи истиной, какъ Платонъ, кто думаетъ, что въ этой истинѣ нашелъ единственное спасеніе для заблудшаго, грѣшнаго человѣческаго рода, тотъ долженъ требовать, чтобы его ученіе опредѣляло не только внѣшній строй общественной жизни, но и внутреннія убѣжденія каждаго отдѣльнаго члена общества; ибо

только такимъ образомъ отдѣльный человѣкъ дѣйствительно можетъ и по своему внутреннему складу безраздѣльно принадлежать обществу.

Однако уже самъ Платонъ въ переходѣ отъ «Государства» къ «Законамъ» придалъ этому догматическому единству вмѣсто философской богословскую форму; и съ этой точки зрѣнія его социальнополитическія требованія предвѣщаютъ церковную организацію общества. Нѣтъ надобности указывать на вторичныя аналогіи между монахами и священниками римской церкви и безбрачными, не имѣющими собственности «стражами» «Государства», или на безусловное подчиненіе и этихъ «помощниковъ» духу и задачамъ цѣлаго; уже одна главная черта—обязательность вѣроисповѣданія и проведеніе этой обязательности въ частной жизни гражданъ,—достаточно указываетъ на глубокое родство, между римско-католическимъ жизненнымъ строемъ и социальнополитическими идеалами Платона. Господство доктрины—вотъ рѣшающій моментъ какъ въ первомъ, такъ и во вторыхъ. Въ этомъ смыслѣ западное средневѣковое общество дѣйствительно выполнило то, чего въ смутномъ предчувствіи требовалъ Платонъ, и европейскимъ народамъ суждено было въ полныхъ размѣрахъ испытать на себѣ всю опасность, связанную съ этимъ принципомъ.

Однако пророческое значеніе Платона идетъ еще дальше, и этимъ онъ обязанъ самой глубокой и самой благородной сторонѣ своей дѣятельности. Его мысли о сверхъ-чувственномъ мірѣ, рожденной среди греческаго народа и отвергнутой этимъ народомъ, было суждено сдѣлаться жизненнымъ принципомъ будущихъ вѣковъ. Если центр тяжести человѣческихъ желаній переносился, какъ рѣшительно требовалъ Платонъ, изъ земного міра въ загробный, то этимъ самымъ вызывалась величайшая «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей», какую когда-либо переживалъ нашъ родъ въ своемъ развитіи. Земныя блага, богатство и почетъ, теряютъ всякую цѣн-

ность, какъ терять ее и ходячая мѣщанская мораль— вотъ слѣдствія, которыя не побоялся вывести уже Платонъ. Но большее значеніе, нежели отрицательная, имѣла положительная сторона этого процесса, заключающаяся въ томъ, что люди обратились къ внутреннимъ цѣностямъ, что центромъ всѣхъ желаній сдѣлалось благо безсмертной души. Здѣсь для человѣчества открылись источники совершенно новой жизни, и этого внутренняго переворота, этого углубленія человѣческаго духа въ самого себя, къ которому древній міръ стремился, какъ къ заключительному и высшему плоду своей культуры, — этого никто не выразилъ такъ просто и такъ величественно, какъ Платонъ.

Какъ непонятное чудо является жизнерадостному греческому міру эта мысль въ твореніи Платона. Но уже наступало время—и это именно видѣлъ и понималъ Платонъ,—когда благодаря полному разложенію общественной жизни и потерѣ политической независимости, благодаря бѣдствіямъ, принесеннымъ построенною на насиліи и преступленіи міровою державой, напитокъ земной жизни потерялъ вкусъ и для грековъ. Теперь уже «мудрецъ» не зналъ ничего лучшаго, какъ удалиться отъ хода мірскихъ дѣлъ и довольствоваться «непоколебимостью» своего внутренняго сознанія, наслаждаться въ самомъ себѣ своей «добродѣтелью». Началось бѣгство изъ чувственнаго міра, лихорадочная тоска охватила народы, и надъ развалинами земного счастья явилось смутное предчувствіе сверхъ-чувственнаго блаженства. И понадобилось лишь немного столѣтій для того, чтобы покорить міръ той мысли, которая въ качествѣ научной доктрины родилась въ произведеніяхъ аттическаго философа, — чтобы обратить міръ въ платонизмъ.

Когда затѣмъ, около начала нашей эры, религиозная жизнь Востока проникла въ культурный міръ западныхъ народовъ, тогда философія Платона сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго кристалли-

зовался величайшій сплавъ мыслей, какой когда либо видѣла человѣческая исторія. Дуализмъ сверхъчувственнаго и чувственнаго міра, выраженный посредствомъ понятій въ ученіи объ идеяхъ, сталъ основой всѣхъ религиозныхъ представленій, и теологія Платона сдѣлалась родоначальницей многочисленныхъ богословскихъ системъ. Съ тѣхъ поръ, какъ неопиетогорейцы положили этому начало, религиозный платонизмъ на цѣлыя столѣтія сдѣлался господствующей чертою въ мышленіи Запада и онъ, въ качествѣ научнаго принципа, царилъ въ обѣихъ великихъ религиозныхъ системахъ: въ теологіи неоплатонизма и въ церковномъ ученіи христіанства.